

Алексей К. Смирнов
*Экстрим, или Сверх
ожидаемого*

Рассказы 2016—2019



Алексей Смирнов

**Экстрим, или Сверх ожидаемого.
Рассказы 2016—2019**

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Эхстрим, или Сверх ожидаемого. Рассказы 2016—2019 /
А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509181-9

В сборник вошли рассказы «Тайный продавец», «Жираф», «Эхстрим», «Грибница предков», «Охота на Маяковского», «Каин», «Там ступа с Бабою-Ягой», «Опыты долгожительства», «Козырная масть», «Обед у начальника», «Немая сцена», «Сумерки богов», «Кандагар», «Памятные деньки», «Бутман и Гробин», «Голубчик», «Сверх ожидаемого», «Вечная весна», «Противостояние», «Лечи красиво» и другие, а также новые миниатюры из циклов «Концерт по заявкам» и «Небылицы». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509181-9

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Просто истории	6
Уроки мужества	6
Былое без дум	9
Каин	11
Обед у начальника	14
Кандагар	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Экстрим, или Сверх ожидаемого Рассказы 2016—2019

Алексей К. Смирнов

© Алексей К. Смирнов, 2019

ISBN 978-5-0050-9181-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Просто истории

Уроки мужества

Ехали уже часа полтора. Григорьева, директор школы, вела внедорожник. У нее было свежее лицо, мохнатые брови, огромные обветренные кисти – клешни, вцепившиеся в руль. Одета в зимний камуфляж. Внедорожник подбрасывало и постоянно вгоняло в топкую грязь.

Григорьева встретила Найдака на вокзале и забрала.

Они оказались похожи, их можно было принять за брата и сестру. Даже за двух братьев. Григорьева ждала его с плакатом, на котором было написано от руки: «Школа имени Найдака Ногоева».

О себе он рассказывал скупое, в ответ на вопросы по делу: да, воевал в горячих точках. Чечня, Приднестровье. Донбасс. Допрашивали, били. Закапывали в землю, давали дышать через трубочку. Дальше выяснилось, что свои. Потом и чужие закопали. Да, левым ухом не слышит. В черепе осколок. Медаль тоже есть, но не носит. Показали и спрятали.

Раскисшая грунтовка петляла и тянулась через непроходимый лес. Григорьева отрывисто делилась с Найдаком подробностями местной жизни: кто держит пчел, кто – козу, как и зачем ездят в райцентр, какие бывают морозы, сколько ей лет и денег за трудовые часы. Время от времени отрывисто смеялась.

– Ух! – нет-нет, да и восклицала она на очередном ухабе. – Так вот у нас! Да! А вы чего ждали?

Найдак вопросов не задавал, только кивал и улыбался. Он немного робел, потому что ни разу не выступал перед школьниками, но в целом был равнодушен к происходящему и лучше бы выпил чего-нибудь или поел.

Наконец, он ощутил смутную потребность о чем-нибудь справиться, хоть что-то сказать.

– Много у вас народа учится?

– Семеро, – посерьезнела Григорьева и сразу замолчала. Вид у нее мгновенно сделался мрачным, брови сошлись. Бодрая веселость испарилась, как и богатырское ухарство.

– Много, – бездумно похвалил Найдак. Он считал, что это вполне приличная цифра. Дома была похожая картина.

– Поели наших детушек, – бесстрастным голосом сообщила Григорьева.

По фиолетовой щеке вдруг скатилась слеза. Найдак такого не ожидал. Внедорожник в очередной раз подпрыгнул – и как бы кстати, в согласии с тряской внутренней, будто Григорьева слилась с ним и они оба дрогнули от горя. Грунтовке не было видно конца. Лес нехотя расступался, но почему-то казалось, что он, напротив, смыкается.

– Поели, – шепотом повторила Григорьева.

– Кто поел? – спросил Найдак.

– Душегуб, – просто ответила директор. – Изверг. Вы, наверно, читали? Был у нас тут. Нет, Найдак не читал.

Григорьева просветила его. Год назад трое ребятишек пошли по грибы и пропали. Сережа, Таня и Миша. Их искали всем миром, прилетел вертолет, привели собак. Думали, заблудились, но вышло хуже. Шли четвертые сутки, когда поисковая партия наткнулась на землянку. Внутри сидел огромный бородатый мужик, сказочный великан, только в обычных полосатых подштанниках и вытянутой майке. Пропавших детей, всех троих, он спроворился пожарить и потушить на четырех сковородках и в трех котлах. Крышки были сброшены, он успел поесть отовсюду. Никто понятия не имел, откуда вдруг в области взялся подобный монстр, давно ли живет в землянке и кто он вообще такой. Чудовище лишь замычало, а внятного слова

сказать не управилось. На его беду, первыми в логово ворвались местные добровольцы. Великана повалили и начали прыгать на нем, утрамбовывать, уминать, утаптывать и выдавливать содержимое. Хлынуло, разумеется, с обоих концов. Те специальные люди, которым поручено заниматься такими делами, не успели вовремя и засвидетельствовали финал: отец Сережи подпрыгнул и приземлился на череп каннибала. Тот раскололся, и начинка слилась с общей лужей.

– Детушки наши, – шмыгнула носом Григорьева. – Теперь они навечно зачислены в класс.

Найдак сумрачно почесал в затылке, сдвинув шапочку на расплющенный нос. В пасмурном небе кружила стая ворон. Внедорожник ревел и рассылал по обочинам коричневые брызги.

– А класс какой? – спросил он наобум.

– Да класс у нас один. Тогда был третий, сейчас четвертый.

Пять минут ехали в невеселом молчании.

– Вас Миша-то и нашел, – снова заговорила Григорьева.

– Где нашел?

– В телефоне своем. Я дала задание найти героя, чтобы школа была с именем. Он мигом нашел. А ловит-то у нас знаете, как? Бывает, что только с печи дозвонишься, лежа на правом боку. На левом уже не берет. Но Миша толковый был, он умел. Не расставался с этим телефоном. Один раз даже отобрала. Мать потом приходила. Ну, посмеялись, отдала.

Прошло еще минут двадцать, и лес неожиданно сгинул. Впереди обозначилась тусклая лента реки, через которую был переброшен дряхлый мост. За ним виднелся собственно поселок – тридцать-сорок дворов. Григорьева заглушила двигатель, как только очутилась на другом берегу.

– Вот и наша школа, – указала она на кривой одноэтажный домик некогда белого кирпича.

Найдак прыгнул на землю, прихватил вещмешок. Поведя носом, он понял, что все вокруг как везде. Это успокаивало и одновременно тревожило фоновой, привычной тревогой. Он уверился, что справится с делом.

– Как раз кончается урок, – сообщила Григорьева, широко шагая по кочкам. – Так что ваш – следующий.

– А много у вас учителей?

– Мы с завучем. Она немного биологию, немного литературу. А я остальное. Зато пионерскую организацию возродили. Не все же раньше было плохо, скажите?

– Я вам меду привез, – сказал Найдак. – Нашего.

– Это вам низкое спасибо.

Григорьева пошаркала сапогами о коврик; затем, уже в предбаннике, сапоги сняла и переобулась в разношенные туфли. Камуфляжную куртку повесила на гвоздь, невидимый в полутьме.

– Вы не разувайтесь, – остановила она Найдака. – Вам в сапогах убедительнее.

Григорьева заглянула в класс, оставила дверь открытой и отступила, чтобы Найдак вошел. Тот медленно переступил через порог. Дети – четверо – встали. И еще несколько взрослых: две супружеские пары, как выяснилось, и одинокий отец. Все были в пионерских галстуках. Взрослые обнимали пятилитровые банки, на которые тоже были повязаны галстуки. Найдак присмотрелся и увидел, что в банки на три-четыре пальца, то есть на самое дно, поровну сцежено что-то бурое, с зеленоватым оттенком, давным-давно высохшее. Руки школьников взлетели в пионерском салюте. Руки родителей – как опознал тех Найдак – остались заняты банками. Взрослые стояли за партами, на которых белели именные таблички.

Найдак ответил неуклюжим салютом.

– Дорогие друзья, поприветствуем человека, чье имя с гордостью носит наша школа – Найдака Ногоева! – предложила Григорьева неожиданно звонким голосом.

– Здравия желаем! – грянуло дружным хором. Очевидно, приветствие не раз отрепетировали.

Найдаку сразу стало легче. Он глубоко вздохнул и тон, не будучи оратором, взял простецкий.

– Ну что, ребята, история моя простая. Отступать нам, как говорится, некуда...

– Вот это правильно! Дело говоришь! – не сдержался одинокий отец.

© октябрь 2018

Былое без дум

По выходным Слава Бочаров больше всего любил гостить у бабушки и дедушки. Они еще спали, когда часов в семь утра он пробирался в их постель, ложился между и начинал шалить. Его не гнали. Его щекотали. Дедушка нарочно шумно пускал газы, веселя Славу и возмущая бабушку. Однажды спрятал под кровать заграничный «мешочек смеха», который вдруг истошно хохотал, если включить. Бабушка хваталась за сердце. Дедушка тоже.

Иногда Славе бывало у них страшновато. Среди ночи ему привиделись на люстре три косматые обезьяны, и люстру пришлось завешивать газетой. А у кровати встал медведь в рубаше из сказки «Два клёна». Прикрыли одеялом.

Славу кормили сырниками и кашей.

Уже изрядно повзрослевший, он вдруг ощущал себя очень маленьким и просился на горшок, который хранился, как все в этом доме. Ему не давали. Не совали и газетного листа, чтобы довывалилось остальное. Вокруг не было никого. Он уже был директор завода и жил отдельно, один. Ему исполнилось пятьдесят, а бабушке и дедушке – немного больше.

И Слава Бочаров, навещая их, начал воровать. Он не был ни Плюшкин, ни клептоман. Крал он по мелочи: бабушкины часики, дедову юбилейную зажигалку. Монетки. Книжки. Иногда что побольше – вазу или ковер.

– Куда подевался ковер? – недоумевала бабушка.

Дед дремал.

Слава тем временем укладывал ковер в багажник. Были случаи, когда поместились и торшер, и статуэтка с русалкой – ночник.

– К нам кто-то ходит, – дрожала бабушка.

– Сама все ложишь не туда, – огрызался дедушка. Но стремянкой озадачился и он. Походили, поспрашивали – все свои, дверь на замке.

Через пару дней дедушка плюнул.

Тем временем пропадала посуда: тарелки, сковородки, старые кастрюли эпохи Сашиных каш. Все у него дома становилось родным, как в былые времена. Даже роднее, так как сырники он не любил. Он сильно сожалел об играх и игрушках, их раздали. Однажды набрался наглости, чужим голосом вызвал стариков в собес и пригнал грузовик. Вывез буфет с посудой, книжный шкаф с сочинениями советских писателей и картину в раме с оленями на водопое.

Славин дом превращался в Дом.

Новые вещи – холодильник, телевизор, телефон – его не интересовали. Этому полиция удивилась. Она завела дело, да так и не закрыла.

В один прекрасный день заменили люстру, на лучшую.

Потом бабушка с дедушкой пошли за пенсией, а грузовик разгрузил комнату в смысле знаменитой кровати, сохранив два дивана.

Пропали трюмо, семейные фотографии в рамках, три табуретки.

Приглашенный экстрасенс выкатал на яйцо, разложил карты и заявил, что дело очень плохо и потребует серьезных расходов.

Слава Бочаров пристально следил за здоровьем старичков, измерял давление и сахар, пичкал сердечными и успокаивающими таблетками. Не сильно они и горевали.

– Войну-то пережили! – напоминал дедушка.

Местами Слава отдираал куски древних обоев и устраивал дома инсталляции. Снимал дедушку с бабушкой на видео, на память, монтировал маленькие фильмы с веселой музыкой из их любимых передач.

Кое-какие браслеты и кольца он надевал, похвалялся, показывал альбомы редким гостям. Однажды бабушка с дедушкой приковывали к нему и ахнули.

– А кому я живой? – вызывающе бросил он. – Я один. – Я помню, как наложил в этот кувшин и вы ко мне мчались с газетой. Обезьян на люстре, медведя у кровати. Не станет меня – кто вспомнит? Кому все это нужно? Ведь вы всего этого с собой не возьмете, но и мне оно незачем. Мне нужны вы.

Но вот пожить в родном он толком не сумел. В пятьдесят один год Слава Бочаров пришел с работы домой и сел за стол почитать газету. Там его хватил удар. Он не сумел не то что дверь отпереть – бригаду вызвать. Только мычал. Бабушка и дедушка сами приехали к нему, обеспокоенные молчанием, и принялись мыть его и застирывать белье.

Пошли за горшком.

Бабушка сильно ругалась, потому что дедушка был снова пьян и успокаивал внука, как пятьдесят лет назад:

– Заживет!

И дул на больные места.

© февраль 2017

Каин

Превыше зверей и птиц, и человеков разных люблю я дедулю.

Папулю тоже люблю, и мамулю, и брательника моего любил, но дедуля на первом месте. Хотя дедуля батю и маменьку с дачки попер.

Яблоки они у него там ели без спроса.

Папуля сказывал, что дачка была ничего себе – и фрукты, и овощи, и всякая животина. Клубника, смородина, крыжовник. Свинья и корова, барбос в конуре. Канализация, освещение, высокий забор – ходи нагишом, сколько хочешь. А главное – сам дедуля там обитает. С ним интересно. Знает всякое. Когда мы с брательником пешком под стол ходили – играл с нами, нянчился. Но вот на дачку чтобы пустить – прощенья просим. Выгнал оттуда батю с маменькой пинками. И охрану поставил, здоровенного такого жлоба. А лично мне ужасно хочется на ту дачку попасть. К дедуле. Потому что он для меня – все. Мы с ним и на лицо похожи, только я ростом пониже. Говорят, что я в него пошел даже больше, чем в папеньку.

Чтоб им пропасть, этим яблокам. Маменьке примстилось, будто в них витамины, от которых лучше соображаешь. Вот и сообразили. Обожрались до колик и начали уже подбираться к другим, молодильным, которые дедуля для себя бережет, потому что ему же нужнее, он же в немалых уже годах.

Дедуля сильно рассвирепел и выставил их за ворота, в чем были.

Потом, конечно, смягчился, потому что хороший же он, дедуля, лучше всех, но на участок к себе больше не пустил.

Сам навещал, конечно. Являлся к нам. Или нам. Так и не знаю, как правильно.

Посадит нас, бывало, с брательником на колени – и поехали по кочкам!

Вот о брательнике. Он дедулю тоже сильно любил. Собственно, все. Это главное.

Теперь о себе: я человек мирный и сознательно добродетельный. Возделываю землю. Есть у меня огород, где, понятно, победнее, чем у дедули, но есть и картопля, и свекла, и морква, и теплица стоит с огурцами и помидорами, и всякий прочий овощ и корнеплод тоже имеется в достаточном количестве. За огородом – маленькое поле, которое я тоже возделываю, и там колосятся разнообразные злаки. Скотину я не держу, потому что сочувствую ей и мясо вкушать избегаю. Брательник же мой, наоборот, мясоед. Пасет он и коров, и овец; есть козы и куры, в пруду даже карпы.

Дело мое получилось так: позвали нас папа с маменькой и объявили, что дедуля собирается в гости. Надо его встретить со всем почетом и приготовить угощение.

У меня, как я это услышал, в зобу слепился какой-то душеразпирающий восторг. Гляжу, что и брательник задыхается. Когда? – спросили хором. Скоро ли ждать?

Про то, сказали отец наш и мать, никто не знает. Но бодрствуйте, сказали они еще, ибо не ведомо никому, когда придет час.

Ну, и мы бодрствовали. День, третий, девятый, жарили и пекли, гнали и процеживали. Дедуля свалился, как снег на голову. Это такое выражение. Не знаю, что оно означает и что такое снег. К нам он пожаловал первым, и это вышла такая радость, что у семейство моего и в глазах потемнело, и головы пошли кругом, и все мироздание как будто перед нами раскрылось в самом приятном ракурсе. Сел дедуля за стол. Мы – ну его потчевать! И соленья, и варенья, салаты разные, грибки, пирожки с картоплей, капустой и рисом, лепешки, пряники, всяческие конфекты. Но тут дедуля вдруг повел носом, потому что с брательникова двора потянуло шашлыком.

И встал дедуля, и сделал кислое лицо. Отвесил шлепка малышам и поплыл за ворота. А через пять минут глядим – он уже за братовым столом уплетает этот самый шашлык, да нахваливает, да поглаживает бороду, да расточает хозяевам всякие милости. Восемь шампуров

приговорил. Как наелся – встал, погладил живот и к нам воротился. Жертва! – сказал. И поднял многозначительно палец. То есть я понял так, что он решил, мы пожадничали. Брат ему и волов заколол, и коров, и ягнят пожертвовал, а мы, выходит, предпочли ограничиться углеводами. Грубо говоря – травой.

От этого у меня в глазах опять потемнело, но иначе. Я за дедулю матку выдерну кому хочешь и сам костями лягу. Мне для него и живота своего не жаль, просто мы скотину не держим. Но сострадание состраданием, а если дедуле вкусно, то и о ней печалиться незачем. Что до брательника, то каюсь, да! Зависть я к нему испытал. Но только секундную, ибо черное это чувство. Мигом позже я за него уж радовался, потому что дедуля неопишимо его обласкал, а чего же еще желать? А зависть во мне преобразовалась в желание конструктивное: угодить дедуле еще больше, да промолчать и не назваться, чтобы даже не знал он, кто угодил. Если дедуле приятнее жертвы мясные – что ж! Кто я такой, чтобы ему возразить? Даже не червь и не прах, а меньше червя и праха.

Дедуля моих мыслей не прочел. Мог, но не стал. Только спросил: чего, мол, рожу кривись? И сделал он мне еще такое внушение: должно быть, молвил, не доброе думал ты, когда меня потчевал, а грех на тебе лежал – и кто же тогда виноват?

Ловкий дедуля повернул все так, будто я сам и повинен в том, что ему милее шашлык. Намекнул, что угощал я его с корыстными мыслями, с прицелом на последующие благодеяния. Тут уж я, как ни любил дедулю, возмущился в душе. И еще тверже, чем поначалу, решил умаслить его, что называется, анонимно. Было ясно, что козами и коровами в этом деле не обойтись. Жертва должна была стать всем жертвам жертвой. И трупом будет всем трупам труп, коль скоро дедуле угодны трупы. Поэтому, прикинув так и сяк, остановился я на самом брательнике. Честно вам говорю – мы друг в друге души не чаяли. Брат не корова и не баран. Я за брата горло перегрызу. Но для дедули, как было сказано, мне было и брата не жалко.

Так что пошли мы в поле. Понимаешь, сказал я брательнику, вот такие дела. И все ему выложил. Потому что иначе как же? Заметил я, что теперь и у него промелькнула во взгляде та самая зависть – понял он, что окажусь я у дедули в фаворе, какой ему самому и не снился. И вроде как захотелось ему возразить, но он прикусил язык. Ибо не меньше моего обожал дедулю. И ответил: дельное дело ты выдумал, брат! Действуй, коли решил, ничего не попишешь. Кто я такой? – говорит. Даже не червь. И даже не прах.

Ну, убил я его.

Прикопал.

И пошел себе. Старался насвистывать даже, и вроде бы получалось. Пока шагал, размышлял: не маленькая ли вышла жертва? Уже начал я подумывать, как бы и папеньку – того. Для надежности.

Только дедуля уже стоял от плетня. Каин! – спрашивает. – Где брат твой, Авель?

Я строю индифферентное лицо и отвечаю: дескать, кто его знает. Разве я ему сторож?

Выяснилось, что у дедули были насчет брательника особые планы. Хотел он его не то в учение отдать, не то царем назначить. А я всю эту конструкцию по недомыслию поломал. Инициатива наказуема, поскольку не было греха тяжелее, чем нарушить планы дедули. Посулил он мне неурожай, предрек скитание и неприязненное отношение окружающих, да расписал все это в таких ярких красках, что я совершенно скис. Этак, сказал я ему, меня каждый встречный прикончит.

Дедуля был мне все-таки дедулей. Не волнуйся, – сказал. – Не прикончит, а если кто покусится, тому я сделаю в семь раз хуже.

Вот, пожалуй, и все. Достаточно, я надеюсь? Вижу, вы все-таки собираетесь меня бить. Ногами. Хотя я не сделал вам ничего плохого – только поставил у вас на районе шатер.

Что ж, я предупредил.

Пеняйте на себя.

Дедуля!

© *июнь 2018*

Обед у начальника

– Я искренне не понимаю, почему моя личность интересует органы.

Рогов старался говорить с достоинством, и это ему в целом удавалось. Получалось даже свысока. Но его подводил палец. Один. Указательный. Он мелко дрожал. Рогов сидел за столом, кисти были сцеплены в замок. И правый указательный палец подрагивал мелким бесом.

Крепыш с незапоминающимся лицом подошел к окну, рассеянно выглянул. Второй бугай неподвижно сидел в кабинетном кресле. Крепыш коротко постучал по стеклу. Ярко светило солнце, морозный узор слепил глаза.

– Три дня еще будет дубак, – проговорил оперативник.

Напарник отрывисто и бессмысленно хохотнул.

Первый повернулся к Рогову.

– Ваша личность никому не интересна. Пока. Мы присмотримся к ней только в случае, если вы не сделаете, как будет сказано.

– Не озорничайте! – весело подхватил второй.

– Хорошо, – сдержанно ответил Рогов.

Казалось, что квадратные очки сплавились с его черепом в единое биомеханическое целое. Он и в обычных случаях не снимал их при разговоре, потому что слушал внимательно. Известно, что снятые при диалоге очки выдают безразличие к собеседнику. Его не видят. Иные, бывает, глубокомысленно покусывают дужку, но это спектакль. Рогов себе такого не позволял, но сейчас буквально слился с очками.

– У вас работал такой Макаров, – бесцветным голосом продолжил первый. – Нужно, чтобы вы пригласили его на обед. По случаю вашего юбилея.

– Поздравляем заранее, кстати, – кивнул второй.

– Спасибо, только это не юбилей, дата не круглая, – автоматически откликнулся педантичный Рогов и все-таки снял очки, потому что должен был что-нибудь сделать. – Я не понял. Макарова? Ко мне на обед? С какой стати?

– Вот это уже не ваше дело.

– Но это абсурд! – развел руками Рогов. – Мы были знакомы только по службе. Никаких общих дел. Месяц назад я вообще уволил его за профнепригодность!

– Мы это знаем. Однако вы его пригласите.

– Это полный бред. И что дальше?

– Ничего. Посидите, как принято. То есть обычное застолье. О нас ни слова. Выпьете, закусите, потом распрощаетесь.

– И все?

– И все.

– Но с какой стати мне его звать? И как я это преподнесу? – расстроено спросил Рогов. На него было больно смотреть. Он, службист и педант, не понимал решительно ничего. Его взяли в клещи и принуждали произвести бессмысленные действия – то, с чем он боролся всегда, сколько себя помнил.

– Это нас не касается, – ответил первый оперативник, отошел от окна и встал у Рогова за спиной. Тот невольно съехался. – Придумайте что-нибудь.

Рогову страшно хотелось взглянуть, чем занят этот молодчик, что он такое делает над его головой. Что-то же он делал.

Второй резко встал.

– Ну, а если нет, то на себя и пеняйте.

– Он что, в какой-то разработке, этот Макаров? – напряженно осведомился Рогов, желая хоть за что-нибудь зацепиться и понять, к чему это все и как себя вести с Макаровым.

– Не ваше дело, – сказал первый и отступил. – Меньше знаешь – крепче спишь.

– А он-то в курсе?

– Конечно, нет. Ладно, мы уточним, – смиловился второй. – А то наломаете дров.

Так вот: Макаров нас тоже не интересует. Во всяком случае, заботит не больше, чем вы. Нам нужно, чтобы он пришел к вам на обед. Остальное будет за кадром.

Рогову было и странно, и неприятно, и страшно. Он попытался вообразить комбинацию, способную объяснить столь дикое требование, но ничего не придумал и бросил это дело как заведомо безнадежное. Волей-неволей пришлось ему сосредоточиться на задании. Пригласить Макарова не то чтобы на званый обед, а просто к себе домой – с чем бы такое сравнить? С тем же успехом можно обнять, например, трамвайного контролера и поцеловать его в шею. Это даже проще, потому что быстро закончится. Или самому явиться в гости уже к собственному начальнику – без приглашения, просто так, вечером. Попросить чаю – или нет. Супа. И выяснить, что на второе. Где стоит супружеская кровать. Давно ли меняли белье, не страдает ли шеф запорами, в какой позе ему приятно совокупляться. Шеф вышвырнет Рогова еще на стадии супа, если не чая, но можно пофантазировать и представить, что эти чудовища навести и шефа. Осчастливили его таким же заданием, приказали принять Рогова и все ему показать.

«Это непрофессионально», – подумал Рогов с тоской. Высшая форма неодобрения. Если непрофессионально, то и неприлично. Непристойно.

«Что я ему скажу? Как объясню?»

Никаких личных дел у него с Макаровым не было и не могло быть. Расстались они холодно. Рогов обошелся с ним беспощадно. Правда, он был справедлив – снова профессионален. Макаров не справился, и Рогову лично пришлось переделывать все, что он запорол. Он сдержанно посочувствовал Макарову, обстоятельства жизни которого были печальны, но трудовые отношения не совместимы с лирикой.

Однажды они случайно встретились в вагоне метро и вместе проехали четыре остановки. Даже тогда обоим стало неловко, а времена еще были из лучших, Макаров устраивал всех. Обстановка располагала к беседе праздной, далекой от производственных тем. Макаров и сам покинул вагон с видимым облегчением. Дело было не в социальной пропасти. Рогов с Макаровым занимали на этой лестнице одну ступень. Рогов, как и Макаров, отоваривался в подвальчике, где покупал макароны и молоко. Ходил на помойку с ведром. То есть не шла речь о том, чтобы пустить за княжеский стол холопа.

Рогов прикинул, что скажет дома. Ничего. Мало ли, кого он позовет. Пожмут плечами и забудут. Что и как сказать Макарову – вот вопрос. Ему навязали возмутительный интим. Как будто потребовали вступить с Макаровым в любовную связь. А перед этим поесть щей. Рогова передернуло. Но он не забыл, как стояли у него за спиной и что-то такое делали, а может – не делали, но могли сделать. Поэтому Рогов, залившись краской и позорно вспотев, набрал номер Макарова.

«Он решит, что я приглашу его обратно, – ужаснулся Рогов. – Какое унижение! Еще вообразит, что хочу извиниться. Задобрить, черт побери! Еще и не придет. А вдруг и правда не придет? Что тогда делать?»

Телефон, конечно, прослушивался. Недавние гости узнают, что он подчинился и пригласил Макарова на обед. Так стыдно, что на самом обеде уже и не будет сильно хуже. Но если Макаров откажется? Ему ведь тоже сделается неловко. Должна же быть гордость у человека, какое-то представление о границах допустимого. Будет ли в этом случае считаться выполненным задание?

– Здравствуйте, Макаров, – произнес в трубку Рогов.

Тот ответил не сразу. Наконец, поздоровался – настороженно.

– Дело, в общем, такое. В эту субботу я отмечаю день рождения. Прошу вас пожаловать ко мне. В шесть часов. – Адрес он выпалил скороговоркой. Не сдержавшись, добавил с просящими нотками: – Очень надеюсь, что вы придете.

Вторая пауза затянулась надолго.

– Не уверен, что правильно вас понял, – донесся голос Макарова. – Вы имеете в виду – в контору я чтобы пришел? Адрес...

– Нет, ко мне домой, – выдавил Рогов.

– Это... несколько неожиданно... я право не пойму, чем вызвано...

У Рогова разболелась затекшая шея, и он повертел головой.

– Ничем, если честно... То есть я не это хотел сказать... Короче говоря, мы вас ждем. Сможете выбратьсь?

Макаров еще помолчал.

– Да, конечно, – сказал он осторожно в итоге. – Благодарю за внимание.

– Тогда до встречи.

Отключившись, Рогов вынул огромный носовой платок и промокнул лоб.

«О чем с ним разговаривать? Неужели придется брать назад? Нет, это невозможно. Но тогда получится полное издевательство. Он придет обнадеженный – еще и с подарком, будь он проклят. Может, ввести его в курс? Нельзя».

Рогову стало настолько тошно, что он заскрипел зубами, а в кулаке сломал карандаш.

– Странный способ извиняться, – сказала Макарову жена. – Тебе не кажется?

– Как замуж позвал, – мрачно ответил тот.

Макарова раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он находился в полном и тревожном недоумении. Он знал, что его вытурили за дело, и приглашение Рогова казалось щедрым и незаслуженным авансом. От этого Макарову стало уже нестерпимо стыдно. С другой, он испытывал мстительное торжество. Но ему отчаянно не хотелось идти к Рогову. Если это последний шанс, то нельзя осрамиться еще и на бытовом уровне. Что-нибудь разлить, разбить, брякнуть какую-нибудь глупость, рассказать идиотский анекдот, доказать свою полную неуместность за приличным столом. Фиаско будет даже не социальным – биологическим.

– Что ты ему подаришь? – спросила жена.

Коротышка Макаров смешно всплеснул руками. Борода встопорчилась.

– Он меня выставил на панель, заставил жрать лебеду! А я ему буду дарить?

– Что-то я не заметила лебеды...

– Заметишь, – пообещал Макаров.

– Ну, так будешь один ее есть... Давай отдадим ему вазу. На что нам две? И в одну-то нечего ставить.

Макаров принялся демонстративно рыться в карманах, потом вывернул их. Высыпал мелочь.

– На гвоздичку тебе наберется, – проскрежетал он.

– Оставь себе на венок. Хоть там не напейся, у шефа-то! С работы выгнали – хочешь, чтобы из дома?

Она не уточнила, из чьего.

Макаров понял, что вопреки очевидной нелепости приглашения, визит не обсуждается. Придется идти. Он снял с буфета и повертел в руках вазу. Зачем-то заглянул внутрь. Сковырнул соринку.

– Голову разбить ему этой вазой... Возьму, но этого мало. Нужен коньяк.

Дома у Рогова наморщили лоб.

– Кто такой Макаров?

– Не имеет значения, – отрезал Рогов и щелкнул подтяжками. – Мне нужно, чтобы он пришел. Посидит в сторонке, поест и уйдет.

– Мама, папа, – начала перечислять жена. – Петя. Женя. И все. Плюс Макаров бельмом на глазу. Ты же самый говоришь, что это семейный праздник! Мы никого и не зовем со стороны. Кто это?

Рогов швырнул очки на скатерть.

– Так надо, – процедил он. – Чей день рождения? Не беспокойся, на твой мы его не позво-
вим.

Сказав это, он подумал, что, может быть, и поторопился. Как знать. Лицо у Рогова стало пунцовым. Он поджал губы, и жена испугалась.

– Да ради бога, пусть приходит, – сказала она. – Тарелок хватит. Что мне надеть?

– Страусовое боа, – ответил Рогов, лег на диван и уставился в мертвый телеэкран.

Замешательство было предсказуемо и возникло, конечно, уже на пороге.

Оба побагровели от стыда при виде друг друга.

– Да-да, заходите, – ровно проговорил Рогов. – Спасибо. Вешалка вон там.

Макаров начал развязывать мешок.

– Что это? – невольно спросил хозяин.

– Сменка, – затравленно хихикнул Макаров. – Со школы еще мешочек. Лет тридцать ему!

– Не надо сменку, вот вам тапочки.

Макаров успел показать штилеты из искусственного крокодила. Рогов успел их заметить. Макаров затолкал их обратно в мешок.

Рогов глянул по сторонам, не понимая, куда поставить вазу и коньяк. Гость раздевался долго, а стоять и держать их было очень глупо.

– Короче, проходите, – наконец бросил Рогов, поставил все на столик и удалился в гостиную.

Пригладив бороду и застенчиво улыбаясь, Макаров явился обществу. Он прибыл к столу в носках, забыв о тапочках.

По пути к Рогову он в сотый раз прикидывал, как лучше себя вести. Решил держаться с невозмутимым достоинством. Он считал себя униженной и оскорбленной стороной, но выпятить это в торжественный день казалось подлым. Угодничать он тоже не хотел, однако все эти мысли вылетели из головы, как только Рогов ему открыл.

Едва Макаров сел за стол, к нему метнулся сынишка хозяина. Он сунул ему страшного робота с горящими глазами. Механизм закричал что-то грозное.

– Вот что у меня! – выпалил кроха.

– Молодец! – фальшиво воскликнул Макаров. – Будешь умный, как папа! – добавил он, имея в виду непонятно, кого – сынишку или робота.

Рогов побледнел.

– Кто тебе разрешил разговаривать? – осведомился он, обращаясь тоже непонятно к кому из троих.

– Давайте кушать, – вмешалась теща.

Всем разлили. Нужен был тост, и повисло молчание. Было понятно, что в узком семейном кругу такие церемонии не приняты. Никто не ждал речей от Макарова, но больше высказаться оказалось некому.

– Ну, за вас! – грубо сказал гость, решившись двинуться напролом.

– Спасибо, – бесцветно откликнулся Рогов, аккуратно чокнулся с каждым, выпил и положил себе салат.

Макаров робко взял два огурчика и шпрот.

– Латышские шпроты, – подала голос жена. – Представляете, были – я даже удивилась и взяла две.

– Латвийские, – машинально поправил Рогов. – Две – чего?

– Банки.

– Вот так и говори.

– Мне их масло очень нравится, – заметил Макаров, окунул в банку хлеб и отправил в рот, но не весь, на вилке еще осталось, и он обмакнул его снова.

Рогов молча наполнил рюмки. Салат лежал на его тарелке нетронутый.

– Теперь за родителей! – пригласил Макаров, обретший некоторую уверенность. Он дружелюбно посмотрел на тещу и тестя Рогова.

– Они скончались, – сказал хозяин.

– Соболезную, – смешался Макаров. – В таком случае... вечная память и земля пухом!

Он молящее взглянул на Петю и Женю, статус которых оставался ему неясен. Они не смотрели на него и деловито ели, каждый за троих. Не прекращая жевать, оба взяли за рюмки.

– Предлагаю за мою супругу, – деревянным голосом произнес Рогов.

– С удовольствием! – Макаров вскочил, решив, что за женщину положено выпить стоя.

Все остались сидеть, и он осуществил свое намерение в одиночку.

Вновь воцарилась тишина. Теща встала, вышла и через минуту вернулась с латкой, из которой торчали куриные ноги. Макаров не посмел взять.

– Что же вы ничего не берете? – спросила теща и положила ему крылышко.

Макаров отрывисто кивнул.

– Да! Конечно! Я уж руками – ничего?

– Ничего, – механически согласился Рогов и выпил уже без тоста.

Потом еще. И снова.

Скатерть качнулась, из-под стола сосредоточенно выполз сынишка. Робота он толкал перед собой.

– Бу-бу-бу, – как бы рассеянно озвучил его малыш.

Рогов обратил к Макарову внимательное лицо и сверкнул очками.

– Как поживаете? – осведомился он.

«Вот оно, началось», – подумал тот.

– Да неплохо, – сказал. – Испытываю определенные трудности... но полагаю, что это временно. Бывает, знаете, полоса!

– Бывает, – кивнул хозяин.

– Ну, а у вас в конторе как дела?

– Благополучно. Пришел новый приказ...

– Да-да-да! – Макаров даже отложил вилку.

– Но это так, глупости, – сказал Рогов, берясь за графин. – Мы запускаем новую линию...

– Давайте за детей, – подал голос Петя.

– За меня! За меня! – запел сынок, потрясая роботом.

– Марш отсюда! – Рогов привстал. – Мария Павловна, закройте его!

– Идем отсюда, зайчика, идем, – заворковала теща, ловя мальчонка за увертливую руку.

Рогов налил себе не в рюмку, а в фужер. Макаров потерянно озирался по сторонам.

– Вообще-то, – заговорил он в итоге не без отчаянной развязности, – предыдущая линия была мне как-то не того...

Рогов ничего не сказал и осушил фужер. Жена что-то шепнула, но он опять потянулся за графином.

– За детей-то не выпили, – напомнил тесть.

Сынишка где-то завизжал:

– Я хочу к дяде с бородой!

Донеслись глухие шлепки, сменившиеся ревом.

– Мне бы перекурить, – виновато улыбнулся Макаров. – Можно, я на кухне? В форточку?

Он начал вставать.

– Да курите здесь, – разрешил тесть.

Рогов выпил в последний раз и взорвался.

– Вон отсюда, – процедил он. – Вон! – заорал. – Не умеете себя вести – убирайтесь!..

Макаров немедленно снялся с места и побежал в прихожую. Все бросились следом. Рогов бежать не стал – он выпил еще, промокнул губы салфеткой, неторопливо встал и вышел, качаясь.

– Ничтожество! – крикнул он. – Пьянь!

– Ты на себя посмотри, – не выдержала жена.

– Отойди! А вы проваливайте! Это приличный дом!

Макаров одевался быстро и с откровенным облегчением. Он подхватил мешок со сменкой. Все разъяснилось и кончилось, нарыв лопнул, впереди была новая жизнь.

Коньяк и ваза так и стояли на столике. Макаров цапнул.

– Не хер, – мстительно пояснил он, заталкивая бутылку в мешок.

Рогов протиснулся мимо, отомкнул замок и пинком распахнул дверь.

– Вон отсюда сию секунду!..

Макаров вылетел на площадку и поспешил вниз. Дробный топот стал удаляться.

Вскоре Макаров выбежал в ночь.

Оперативники собрали оборудование. Сложили штатив, упаковали сонар и усилитель.

– Да, неудачный ракурс, – признал первый.

– Локация правильная, но угол не тот.

– И градиенты.

– Да, и градиенты. Надо же, как не везет.

– Опять же момент конвергенции...

– Короче, ищем другую точку, – вздохнул второй. – Иначе нам изделие не вывести. Времени мало, всего неделя до гостей.

– Найдем, – отмахнулся первый. – Что делаем с этими?

– Стираем, конечно. Оба уроды. Насекомые, прости меня Господи, – шутливо сказал второй и перекрестился.

© февраль-март 2018

Кандагар

Игорю Павловичу не исполнилось и пятидесяти, но он уже был белый, как лунь. Стригся коротко, без малого под ноль, обнажая багровый шрам на левом виске, имевший форму кривого треугольника. Немного прихрамывал, одевался в камуфляж. Он работал в средней школе спального района, вел уроки Родины.

С начала года было разобрано много тем: природные богатства, о которых Игорь Павлович предпочел показать учебные фильмы; основные культурные памятники – тут он воспользовался слайдами; места боевой славы – снова слайды, но подкрепленные чтением отрывков из военно-исторической прозы; животный мир – в этом пункте Игорь Павлович сделал себе и школьникам послабление, он просто сводил их в зоопарк.

– Сегодня мы перейдем к новой теме: жилищно-коммунальное хозяйство, – объявил Игорь Павлович, повернулся к доске и вывел мелом: «ЖКХ». Интерактивная доска до класса еще не дошла.

Никто его не слушал.

– ЖКХ, – сам прочел Игорь Павлович, вновь становясь лицом к аудитории. – Мы начнем с канализации. Между прочим, это касается всех.

– Про говно, – сказали с задней парты.

Не отрываясь от смартфонов, класс рассеянно хохотнул.

– Про фекалии, – терпеливо поправил Игорь Павлович. – И не про них, а про их утилизацию. Вы напрасно смеетесь. Живете, не задумываясь, куда и как все девается. Чьими стараниями. Вам, на всем готовеньком, невдомек, какой это колоссальный и тяжелый труд. Вам кажется, будто так и должно быть, было и будет всегда. Слил и забыл. А это не менее важно, чем растить хлеб.

Бритый налысо шнырь, сидевший за второй партой, надул щеки и выдал непристойный звук.

Игорь Павлович провел ладонью по ежику волос.

– Вообще, отходы это очень важная тема. Вы идете мимо помойки, забрасываете в нее пакет и забываете про него. Что будет дальше, вас не касается. А сами представьте, что случится, если все вдруг застопорится. Помойку не вывезут, канализацию отключат. Вы задохнетесь, сбежите через неделю. Да какое там – через пару дней!

Заиграл рэп. Парень с девицей, обжимавшиеся до этого на галерке, принялись делать резкие телодвижения. Они выпячивали губы, хмурили брови, выбрасывали кулаки.

– Выключите, там! – повысил голос Игорь Павлович.

– А чо? – лениво протянул кто-то сбоку.

– Ничо, – внушительно парировал тот. – Уши промой! И слушай! Итак, канализация. Давайте я схематически нарисую. – Игорь Павлович снова взялся за мел. – Вот хорошо знакомый вам толчок. – Он небрежно нарисовал круг. – А это главный канализационный стояк. – Провел вертикальную линию. – От него, в подвале уже, отходит сборный внутридомовой коллектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.